

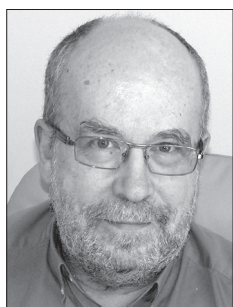
UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-290-307

Ю.М. РЕЗНИК, А.В. СМИРНОВ

ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ (30 мая 2019 г.). Часть 1

***Аннотация:** Новая беседа связана с выходом книги А.В. Смирнова «Всецеловеческое vs. общечеловеческое», в которой на широком историко-философском материале «показано различие исходных интуиций для субстанциональной логики смыслополагания, развернутой в опыте европейской культуры, и процессуальной, развернутой в опыте арабо-мусульманской культуры».*

Всецеловечность рассматривается как альтернатива европоцентристской (субстанциональной) логике развития культуры и цивилизации. Истоки данной идеи прослеживаются в учениях славянофильства, классического евразийства, а также в трудах Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского. Все они так или иначе делают акцент на логике культуры. Опираясь на своих предшественников, А.В. Смирнов формулирует вопрос следующим образом: как можно мыслить иначе? Но чтобы ответить на данный вопрос, необходимо выйти за рамки одномерной логики и наметить путь к множественной культуре или цивилизации.

Исходным пунктом смыслополагания А.В. Смирнов считает субъект-предикатную конструкцию, опосредующую взаимодействие индивидуального сознания и культуры. Это – тот способ, которым человек осмысливает мир. Благодаря ему мир становится осмысленным. С точки зрения автора, главная «идея заключается в том, что есть большие культурные ареалы, или культурные общности, в которых эти способы формирования осмысленности и способы логического упорядочивания мира – разные». Причем они логически разные. Именно такой подход А.В. Смирнов и называет логико-смысловым, задачей которого является анализ различных схематизмов мышления, базирующихся на разных логиках и несводимых друг к другу.

В ходе беседы уточняются понятия «сознание», «разум», «культура», «цивилизация», «цивилизационная идентичность», «цивилизационный проект». В сознании А.В. Смирнов выделяет три взаимосвязанных уровня: чувственное восприятие («способность видеть мир как систему вещей»), язык («способность субъект-предикатного связывания») и

В ходе беседы уточняются понятия «сознание», «разум», «культура», «цивилизация», «цивилизационная идентичность», «цивилизационный проект». В сознании А.В. Смирнов выделяет три взаимосвязанных уровня: чувственное восприятие («способность видеть мир как систему вещей»), язык («способность субъект-предикатного связывания») и

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;

Смирнов Андрей Владимирович – академик РАН, доктор философских наук, директор Института философии РАН (Москва). E-mail: ori@iph.ras.ru.

теоретическое мышление. Культура «мыслит» себя в определенной логике. К ней нужен интуитивный доступ. И это — «способ смыслополагания и формирования осмысленности в индивидуальном и коллективном сознании». Цивилизация же выступает в свою очередь объективированной культурой, воплощенной в материале (артефактах) и конституированной вне человека. Она есть ни что иное, как «материальное тело культуры». Наличие же множества «разумов» и «культур» лишает почвы претензии западного мира на универсальный цивилизационный проект. При этом у разных культур, принадлежащих к той или иной цивилизации («культурному ареалу»), есть общий уровень идентичности — присущий им и поддерживаемый благодаря языковой общности базовый схематизм мышления. И такой схематизм не перенимается вместе с техническими достижениями данной культуры.

По мнению А.В. Смирнова, русская мысль предлагает идею собирания разнологичного в культуре, что не укладывается в общую рамку западного цивилизационного проекта. Альтернативой последнему выступает, на его взгляд, проект многоцивилизованного мира, который включает в себя идеологическую и научно-теоретическую составляющие. В России сложилась другая реальность, которая не приемлет какой-то одной цивилизационной рамки. Она может рассматриваться исключительно в терминах многообразия и собирания культур.

По мнению А.В. Смирнова, для понимания российской цивилизации больше подходят термины «всесубъектность» и «единство множественности». Но нам (философам и гуманитариям вообще) предстоит еще открыть схематизм рациональности, стоящий за фактами русского языка, словесности и истории. И пока Россия не осознала свой путь цивилизационного развития, ей не удастся создать проект всечеловечности, который в случае широкого признания повлечет за собой социальные изменения, в т.ч. становление иного политического устройства.

Abstract: This conversation coincides with release of A.V. Smirnov's book «The All-Human vs. the Generally-Human». Based upon broad historical and philosophical material it «shows the difference between initial intuitions for substantial logic of meaning-setting deployed in experience of European culture and for processual one deployed in experience of Arab-Muslim culture».

All-humanity is considered as an alternative to Eurocentric (substantial) logic of development of culture and civilization. The origins of that idea can be traced to teachings of Slavophilism, classical Eurasianism, as well as to works of N. Y. Danilevsky and F. M. Dostoevsky. All of them emphasize the logic of culture. Relying on his predecessors, A.V. Smirnov formulates the question as follows: How can one think differently? But to answer that question it is necessary to go beyond one-dimensional logic and to chart a path to multiple culture or civilization.

A.V. Smirnov takes the subject-predicate construction that mediates interplay between individual consciousness and culture as a starting point of meaning-setting. This is the way in which man makes sense of the world. Thereby the world becomes meaningful. From the author's point of view, the main «idea is that there are large cultural areas, or cultural communities, in which these ways of meaning-formation and logical ordering of the world are different». Moreover, they are logically different. A.V. Smirnov defines this approach as logical-semantic; its task is to analyze differences of the schematics of thinking based on different logics and irreducible to each other.

Conversation clarifies such concepts as «consciousness», «mind», «culture», «civilization», «civilizational identity», and «civilizational project». In consciousness A. V. Smirnov distinguishes three interrelated levels: sensory perception («ability to see the world as a system of things»), language («ability of subject-predicate binding») and theoretical thinking. Culture «thinks» itself

in a certain logic. It needs intuitive access, and the latter is provided by some «way of meaning-setting and formation of meaningfulness in individual and collective consciousness». Civilization, in its turn, appears to be objectified culture embodied in matter (artifacts) and constituted outside of man. It is nothing but «material body of culture». The presence of multiple minds and cultures makes the claim of the Western world to universal civilizational project unsound. At the same time, different cultures belonging to a particular civilization («cultural areal») have a common level of identity — the basic schematism of thinking inherent in them and maintained by linguistic community. Such schematism is not taken over with technical achievements of that culture.

According to A. V. Smirnov, Russian thought offers the idea of collecting the logically diverse elements in one culture, and that does not fit into general framework of the Western civilizational project. As an alternative to the latter he sees the project of multicivilized world that includes ideological and scientific-theoretical components. Russia has its own reality that does not accept any singular civilizational framework. It may be viewed only in terms of diversity and gathering of cultures.

A.V. Smirnov considers such terms as «all-personality» and «unity of plurality» more suitable for understanding Russian civilization. We (philosophers and humanitarians in general) are yet to discover the schematism of rationality hidden behind the facts of Russian language, literature and history. And until Russia has not comprehended its path of civilizational development, it will not be able to create a project of all-humanity that, if widely recognized, would entail social changes, including formation of a different political system.

Ключевые слова: философия, культура, бытие, смыслы, субъект-предикатная связка, всечеловеческое, общечеловеческое.

Key words: philosophy, culture, being, meanings, subject-predicate linkage, the all-human, the generally-human.

Резник Юрий Михайлович: *Уважаемые коллеги! Мне посчастливилось одному из первых познакомиться с новой монографией Андрея Вадимовича Смирнова «Всечеловеческое vs. общечеловеческое» (М., 2019). Она является своеобразным итогом его многолетних исследований, часть результатов которых опубликована в виде статей и других материалов автора.*

Я начал читать книгу не с введения, а с заключения. Мне хотелось побыстрее перейти к выводам автора. И я несколько не разочаровался. Заключение содержит не столько резюме основных положений монографии, сколько целостный исследовательский замысел. Поэтому несколько из ключевых вопросов будут связаны с заключительной частью книги.

Андрей Вадимович! Извините меня заранее, но я буду задавать вопросы по частям или разделам Вашей книги, так как у меня не получилось пока прочитать её второй раз и оценить весь исследовательский масштаб. Кроме всего прочего, для того, чтобы проинформировать «склейку» всего содержания книги и представить его целиком, надо быть знакомым с другими Вашими текстами. А я недостаточно их хорошо знаю. Так что собрать Вашу исследовательскую программу целиком мне пока не удалось. Я её пока воспринимаю фрагментарно.

О новой книге

Ю.М.: *Андрей Вадимович! Спасибо за предоставленную возможность познакомиться с электронной версией всей Вашей книги, а не только первой главы, которая доступна всем участникам нашей беседы.*

Как Вы отмечаете, мы имеем дело с вещами. В каком-то смысле Ваша книга — тоже вещь, предикат которой выражен в её названии. Текст книги являет собой свернутость, которая разворачивается по ходу авторского изложения и читательского осмысления. Можно сказать и иначе, оперируя опять же Вашими словами: в книге содержится описание определенной логики культуры, которую можно условно назвать культурой всечеловечности и которая соотносится, с одной стороны, с субстанциональной логикой европейской (и западной в целом) культуры, а, с другой, с процессуальной логикой арабо-мусульманской культуры. Но как бы то ни было, книга уже одним своим названием вызывает острый интерес, а у отдельных участников нашей сегодняшней беседы еще и желание поспорить. Могу допустить, что некоторые коллеги её воспринимают как вызов, учитывая Ваши симпатии к евразийцам, другие — как введение к мегатеме «Российский проект цивилизационного развития», руководителем которой Вы являетесь.

Мой первый вопрос таков: **чем является лично для Вас эта книга — «переходным мостиком» к чему-то большому и главному, итогом многолетних исследований, или научной программой, вещь-в-себе, которую еще предстоит раскрыть и конкретизировать, или чем-то ещё?**

Смирнов Андрей Вадимович: Юрий Михайлович, прежде всего, благодарю за организацию этой встречи! Что такое эта книга для меня? Вы знаете, она создавалась в каком-то смысле экспромтом, поскольку надо было прочитать цикл лекций в Китае. Вообще-то это была идея китайского профессора Джан Байчуня. Я имею в виду не название, а саму идею прочитать лекции в Педагогическом университете Пекина, где целый ряд наших философов читали такие курсы лекций. Он мне тоже предложил это сделать, и, собственно, всё, о чем я думал, сложилось здесь в курс лекций. Конечно, книга отличается от текста лекций, но я не старался сделать из неё абсолютно письменный текст, т.е. она сделана как обработанный курс лекций. Надеюсь, что эта книга не последняя, потому что самая главная книга — та, которая будет, а не та, которая уже есть.

Уточнение понятий: сознание; культура; цивилизация; цивилизационный проект; цивилизационная идентичность

Ю.М.: Первая группа моих вопросов, навеянных заключением и первыми главами монографии, требует Вашего уточнения. Начну с вопроса о соотношении сознания и культуры. По Вашему мнению, культура как способ смыслополагания и способность субъект-предикатного склеивания «выстраивает для нас осмысленность окружающего мира, включая общество и язык» [1, 207]. Примерно такого же понимания Вы придерживаетесь в первых трех главах книги. Правда, в третьей главе, посвященной арабо-мусульманской культуре и её процессуальной логике, вы уточняете своё определение, подчеркивая, с одной стороны, что «деятельность нашего сознания — это всегда прохождение, осознаваемое или нет (рефлексивное или нет, ясное или в тени), эпистемной цепочки в прямом (когда мы что-то даем воспринять другому, высказываем, аргументируем) или обратном (когда сами воспринимаем мир или понимаем речь или аргументацию других) направлении» [1, 55], а, с другой, что культура есть вместе с тем «способ разворачивания свернутости, начиная с истока — исходной интуиции и кончая развернутыми конструкциями» [1, 61].

В наших прежних беседах я уже спрашивал Вас о соотношении действительности и осмысленности. Но сейчас меня интересует другое: если культура формирует осмыслен-

ность, а сама в свою очередь является способом нашего смыслополагания, то что в данном случае является изначальным — сознание человека, осуществляющее субъект-предикатное конструирование благодаря интуиции и коллективному когнитивному бессознательному, или культура, которая складывается в процессе такого конструирования, а потом почему-то «выстраивает» для нас осмысленность? У меня получается замкнутый круг: сознание полагает культуру, а последняя — «даёт» ему осмысленность. Без культуры сознание не обладает осмысленностью, а оба они к тому же «заданы» коллективным когнитивным бессознательным, которое в свою очередь устанавливает предел индивидуального и коллективного смыслополагания. **Так что же выступает исходным пунктом смыслополагания — субъект-предикатная конструкция, которая связывает их между собой, или что-то другое?**

А.В.: Если вы берете любого конкретного человека и начинаете анализировать, как он мыслит, почему поступает так, а не иначе, почему он написал именно этот текст, какова логика текста, то вы должны с чего-то начать. Конечно, индивидуальное сознание и культура все время друг на друга влияют, друг друга формируют, но для того, чтобы начать анализировать, вы должны что-то принять за отправную точку. Для меня было удобно принять за отправную точку идеальную модель сознания.

Тогда культура, представленная в виде текстов, в виде каких-то смыслофиксирующих феноменов, вербальных или невербальных, — это то, через что нам дан тот способ, которым мы осмысливаем мир и благодаря чему для нас мир становится осмысленным, благодаря чему вообще все окружающее имеет смысл. Понятно, что тот способ, благодаря которому мы способны мыслить и выстраивать логические рассуждения, мы не можем отделить от влияния общества, влияния уже имеющейся культуры, в которой растет человек. Точно так же мы не можем вынуть человека из языка, поскольку его когнитивные способности, хотя и не определены языком, но формируются вместе с формированием языка.

Точно так же сознание формируется вместе с освоением культуры и под её влиянием. Поэтому культурные практики имеют существенное, если не определяющее, значение для того, чтобы сформировать тот или иной способ, каким мы осмысливаем мир. **Главная моя идея заключается в том, что есть большие культурные ареалы, или культурные общности, в которых эти способы формирования осмысленности и способы логического упорядочивания мира — разные. Они разные не просто потому, что это разные картины мира или разные мировоззренческие системы, но они логически разные.**

Ю.М.: Следующий вопрос. Я не совсем понимаю то, как Вы соотносите по смыслу понятия цивилизации и культуры. Так, Вы утверждаете, что цивилизация — это ставшая культура, или культура, застывшая «в материале» или в виде артефактов, а также культура, взятая в единстве её объективных и субъективных аспектов [1, 207]. И у меня сразу выстраивается четкая логическая цепочка: сознание (как «способность образовывать субъект-предикатную связку» или призма, сквозь которую проходит бесцветный пучок света — событие) — культура (как объективированное сознание или «способность разворачивать смыслы», которые суть «нечто трансцендентное», а также то, что делает возможным наше сознание [2, 14]; это — «способ смыслополагания» или «способ сделать мир осмысленным» [2, 411]) — цивилизация (как «застывшая» или ставшая культура).

Поэтому мой вопрос очевиден: **можно ли так понимать соотношение культуры и цивилизации, когда одно понятие определяется через другое (взаимоопределяется), чер-**

ная из него качественную определенность определяемого? Честно говоря, хотя мы с Вами говорим об этом уже не первый раз, но я до конца не улавливаю это различие. Оба феномена определяются Вами через способность смыслополагания. Только культура обуславливает сознание, делает его возможным, а последнее порождает саму культуру. А цивилизация вообще оказывается на периферии. Она производна от культуры и совершенно лишена опорки в виде мы-сознания. Здесь у меня снова одно не вяжется с другим, а последнее с третьим и т.д. Возможно, это происходит потому, что я слишком буквально всё воспринимаю и не вижу смысловых оттенков и промежуточных переходов, которые характеризуют диалектику взаимоотношений сознания и культуры.

*Попытаюсь сформулировать свой вопрос по-другому: **раз смыслы относятся к культуре как «нечто трансцендентное», то что является элементом цивилизации как «застывшей в материале» культуры? Их материальные воплощения — вещи, созданные людьми, технологии, достижения или что-то иное? Или, может быть, им выступает то, что Вы обозначаете неопределенными по смыслу терминами «общее достояние» или «общий источник»? Вы извините меня, что я требую от Вас излишней конкретизации, но мне непонятно, в чем заключается духовное своеобразие каждой цивилизации. Или понятие «духовное» относится только к характеристике культуры, и у цивилизации (как воплощенной или объективированной культуры) нет собственного духовного содержания? Каким же образом тогда может появиться всечеловеческая цивилизация, проект которой обоснован Вами в 7 главе монографии с учетом евразийского наследия, в т.ч. представлений евразийцев о культуроличности или симфонической личности и т.п.?***

А.В.: Если мы сможем открыть строгую логику осмысления, смыслополагания, тогда мы поймем и сможем ответить на вопрос, который звучит метафорически, но имеет и прямой смысл — как мыслит культура, почему она ведет себя так или иначе. И тогда будет понятно, какие модели общественного устройства могут прижиться, а какие не могут, какие будут приняты и восприняты как осмысленные, а какие не будут приняты заведомо. Если у нас есть понимание этой логики, тогда мы сможем это увидеть.

Если взять область рационального связного сознания, в которой мы находимся, общаясь друг с другом, то можно выделить три уровня: чувственного восприятия, языка и теоретического мышления. Чувственное восприятие — это *способность видеть мир как систему вещей*. Даже если вы назовете это фактами, все равно это остается системой вещей. Нет чувственного восприятия без выделения вещи. Но что такое вещь? С какой стати наше сознание дает нам мир как систему вещей? Почему это вещи, а не расплывчатое полотно красок, к которому нас возвращают импрессионисты?

Эту способность, или даже необходимость, я бы назвал способностью субъект-предикатного склеивания, связывания субъекта с предикатом. То есть для нас нет мира, если мы не видим его как *что* и *какое*. Каждое «что» является «каким-то», и каждое «какое» является «каким-то» только потому, что оно привязано к некоему «что». Вот это «что» и «какое» невозможно разорвать, нельзя редуцировать. Попытавшись их разделить, вы непременно попадете в некую бессмыслицу. Понимание Единого в неоплатонизме — это попытка взять чистое «что» без всякого «какое», без предиката. Как мне кажется, эта попытка не удалась, как и попытка открыть допредикативную структуру сознания. Субъект-предикатная связность — нередуцируемая связность, потому что здесь нет отдельных «что» и «какое». Они не отдельные, но они явно разделяемы, потому что субъекту можно приписать разные предикаты и один

предикат можно приписать разным субъектам. Как мне кажется, это — исходная загадка нашего сознания.

Я думаю, что животные, во всяком случае, высшие животные, способны видеть мир как систему вещей, иначе они не могли бы с нами общаться в этом мире. Но у нас ещё есть язык. Это не просто набор слов. Даже великие философы подчас понимают язык как систему слов или знаков. Мне представляется, что это — неудачная попытка, потому что язык — это *способность субъект-предикатного связывания*, точно так же, как и чувственное восприятие. Мы говорим не словами, а предложениями. Слова и знаковая функция доступны и для животных, в отличие от языка как субъект-предикатного связывания. Здесь можно искать водораздел между человеческим и животным сознанием. Теоретическое мышление имеет языковую форму, даже если это формальный язык логики, потому что и там есть «что» и «какое».

Главная загадка заключается в том, как сознание способно разделять то, что не делимо, и в то же время сливать то, что разделено. Эта область от смутного до отрефлектированного сознания задается интуицией. Но как вы получите доступ к интуиции, если она находится за или до ясного сознания? Только через то, что Кант называл схематизмом. Этот схематизм для европейского мышления был выведен на свет Леонардом Эйлером в его знаменитых кругах. Уже в недавнее время, в 1987 году, вышла классическая для когнитивных исследований книга Марка Джонсона, где он показал этот же схематизм европейского мышления, но уже не на том материале, на котором работал Эйлер. Мне представляется, что это правильный путь. Однако такой схематизм европейского мышления завязан на пространственности. Именно поэтому мы рисуем время в базовых пространственных схемах. А теперь представьте, что в основе вашего мышления лежит схематизм, который исключает пространственность. Давайте мыслить время, но вы не имеете права его рисовать. Давайте мыслить, что А больше В, но вы не имеете права рисовать это отношение. Вы скажете, что это бессмысленно, что этого не может быть.

В истории европейской философии я нашел, по крайней мере, один пример, который показывает, как это может быть. У Анри Бергсона во «Введении в метафизику» есть замечательное место, где он рассказывает, как понимать «Я». То, о чем он говорит, я бы назвал схематизмом протекания, или схематизмом действия. Представьте, что у вас есть бесконечно плотная резина, которую вы начинаете растягивать. Действие растягивания, казалось бы, не может не быть пространственным, поскольку «растягивать» значит «удлинять». Но он дальше говорит: представьте, что это действие безостановочно. Если в него привходит остановка, то оно уже делится на два действия. И самое главное: это действие не отлагает никакого пространственного промежутка!

Собственно, Бергсон говорит о том схематизме, который дает нам понять, что такое действие, т.е. протекание, которое в принципе не может быть отображено пространственно. С моей точки зрения, этот схематизм очень хорошо реализован в том ареале, который можно называть арабской культурой. Этому соответствует и арабский язык, и теоретические модели, и категориальные системы, и устройство общества, и т.д.

Это — исходной пункт фундаментальной эпистемологии, который подтверждается многими примерами. Тогда вы можете протянуть всю цепочку от исходного схематизма, который опосредует интуицию и ясное рациональное мышление. Мне удоб-

но называть это культурой, т.е. *способом смыслополагания и формирования осмысленности в индивидуальном и коллективном сознании*. Если говорить о цивилизации, то это то, что воплощается вне человека и служит *материальным телом культуры*.

Из этого следует, что если есть разные схематизмы мышления, то есть и разные *разумы*. Эта идея в неевропейском мире, а сейчас уже и в европейском, завоевывает все больше сторонников. Если же есть не один-единственный разум, а, по крайней мере, два, то *претензия какого-либо культурного проекта на общечеловеческую значимость не может быть оправданной*.

Встает вопрос: что делать и как себя вести в данной ситуации? Как мне кажется, история русской мысли предлагает то, что можно рассматривать как ресурс, как то, отталкиваясь от чего, можно искать выход. Этим ресурсом является идея всечеловеческого как идея собирания *разнологичного*, т.е. не задания общей рамки, в которую всё должно уместиться, а собирания, которое оставляет возможность для каждого из разных разумов, каждого из цивилизационных проектов реализоваться. Это путь, по которому можно двигаться. Однако это — не готовое решение, которое можно принять, например, как резолюцию ООН, а именно поле для обсуждения. В этом заключается основная идея книги.

Ю.М.: *Теперь давайте еще раз уточним понятие «цивилизация». В начале третьей главы Вы пишете: «Под термином «цивилизация» я понимаю культуру, воплощенную «в материале», застывшую в виде артефактов. Автомобиль — элемент цивилизации, но и продукт культуры: в нем воплощены науки, начиная с механики и кончая материаловедением, эстетика, поданная через дизайн, этика (принцип минимизации вреда, системы безопасности) и многое другое. И наука, и этика, и эстетика — сегменты культуры, разворачивающие исходную интуицию свернутости» [1, 61].*

На первый взгляд у Вас получается так, что «живое» знание и опыт (наука, философия и пр.) относятся к культуре, а всё объективированное, представленное артефактами и технологиями, — к цивилизации. Поэтому к цивилизации Вы причисляете материаловедение, дизайн, системы безопасности (одним словом, всё то, что можно отнести к практическим приложениям науки и техническим усовершенствованиям), а также устоявшиеся формы человеческого общежития [1, 18]. А для меня важны как раз последние, взятые вместе с другими жизненными и социальными формами.

Цивилизация, на мой взгляд, характеризуется в первую очередь особым способом мышления и соответствующим ему жизненным укладом или образом жизни. Отделить культуру от цивилизации по другому (чем принято считать или как считаете Вы) основанию сложно, хотя и возможно. Ведь Вы сами включаете в цивилизационный проект формы политического устройства, системы ценностей, а также мировоззренческие системы, в т.ч. представления о добре и зле, предназначении человека и пр. И именно они должны входить, на мой взгляд, в «состав» цивилизации наряду со сложившейся системой социальных отношений (социальной организацией).

Несмотря на приведенные замечания, я разделяю в целом Ваши представления о цивилизации. Поэтому у меня к Вам вопрос: согласны ли Вы со следующим пониманием? Цивилизация (в локальном смысле) — это исторически возникающий способ организации индивидуальной и общественной жизни некоторой совокупности народов и стран, разделяющих общие мировоззренческие и ценностные установки, имеющих сходные формы общественного и политического устройства, а также ведущих похожий (но не одинаковый) образ жизни, который соответствует их логике культуры и базируется на особом

типе субъект-предикатного конструирования? Или такое определение Вам не подходит? Уточните тогда, пожалуйста, основания цивилизационного развития. Вы ведь обобщаете в монографии проект множественного цивилизационного развития, для которого характерны, кроме идеи множественности, принципы равноправия и взаимной несводимости культурных логик. К сожалению, следует признать, что большинство существующих ныне цивилизации строят свои отношения совершенно на других основаниях.

А.В.: Я не против такой трактовки. Понимаете, это не просто нежелание дать определение или уйти от ответственности, чтобы никто не призывал к ответу за данное определение, но это для меня еще и ощущение того, что знание может выстраиваться не только по тому схематизму, который характерен для европейского мышления. Определение – это задание рамки, некоего предела, в соответствии именно с этим схематизмом. Однако знание *может разворачиваться*, как об этом говорил Николай Кузанский, один из моих любимых философов. Но ведь разворачиваться не может то, у чего уже есть определение. Как можно разворачиваться и сворачиваться, оставаясь собой и при этом раскрывая все свои внутренние потенции? Это явно не схематика определения. Я согласен с Вашим замечанием, но вместе с тем я вижу здесь и возможность для другого движения, чтобы поставить вопрос: *как можно мыслить иначе?*

Логико-смысловой подход и возможности его применения. Эпистемная цепочка

Ю.М.: Для обоснования конкретного цивилизационного проекта Вы предлагаете использовать свой логико-смысловой подход (далее – ЛСП), показывая вместе с тем его преимущества перед универсалистским и цивилизационным подходами. В отличие от универсалистского подхода, ЛСП настаивает на возможности сплошной, а не выборочной интерпретации (анализ отдельных фактов и текстов), исходя из материала культуры и её логики. А в отличие от цивилизационного подхода, он дает не содержательное определение культуры или цивилизации, фиксируя преимущественно её статику, т.е. схватывая целостность, сформировавшуюся в прошлом, и выделяя отличительное свойство (например, морфологию культуры), но указывает на сам принцип построения этого содержания и конкретный способ смыслополагания. «Это – способ создания, порождения содержания, но не само содержание» [1, 27].

Мой вопрос заключается в следующем: *если ЛСП такой эффективный и успешный, как Вы считаете, метод, позволяющий устанавливать предел, за которым данная культура перестает быть самой собой, и игнорирующий её сущностное или содержательное единство, то каким образом он определяет различие одной цивилизации или культуры от другой? Только по способу смыслополагания? Но ведь и последний на протяжении длительного времени трансформируется, вбирая в себя множество культурных оттенков и стилей.*

А.В.: Задача логико-смыслового подхода заключается в том, чтобы увидеть различие схематизмов мышления, их параллельность и несводимость. Их идеальные модели основаны на разных исходных логиках. Содержательное наполнение определяется этой исходной логикой, и наоборот: исходная логика пригнана к содержательному наполнению. Это не новая мысль, но мой тезис сводится к тому, что таких схематизмов может быть несколько.

Культуру и цивилизацию по-настоящему вы поймете только в двух случаях. В первом случае, если вы в ней выросли и у вас есть к ней *интуитивный доступ*. Значе-

ние такой интуиции мы недооцениваем, пока не сталкиваемся с другой культурой. Во втором случае, если мы сможем проникнуть в базовый схематизм других культур. Поскольку этот схематизм не является исключительным достоянием нации или этноса, но поддерживается языком, то языковая общность намечает более или менее устойчивые границы его функционирования. Отсюда идея разных уровней идентичности. Собственно, схематизм задает второй уровень, общий для разных народов и стран, если имеются национальные государства, и разных культурно-исторических областей, если нет национальных государств.

«История европейской философии» — это не пустое понятие, а «история мировой философии» — пустое, поскольку вы не можете поместить под одной обложкой разные философские традиции, потому что они практикуют разные схематизмы. Что такое мировая идентичность? Возможен ли гражданин мира? Кто это? Человек без культуры, без языка, без определенного схематизма мышления — это просто тело. Человек не может быть гражданином мира в том смысле, что он ото всего освободился.

Ю.М.: Далее, чтобы понять Вашу собственную логику (и суть ЛСП), мне необходимо прояснить для себя и читателей то, как Вы вводите и обосновываете еще одно понятие — «эпистемная цепочка», которая склеивает между собой различные звенья (когнитивные акты), характеризующие процесс осмысления [1, 54]. Последнее есть не что иное, как «включение воспринимаемого в привычную нам по нашему культурному и интеллектуальному опыту эпистемную цепочку» [1, 55].

Эпистемная цепочка охватывает «набор средств и способов, которые культура предоставляет в распоряжение своему носителю для обретения знания, его критики и усвоения» [1, 55]. Вместе с тем она указывает на путь, который проделывает мышление от исходной интуиции, имеющей дело с абсолютной склеенностью, до развернутой дискурсивности, в т.ч. до различения субъекта и предиката. «Поэтому можно, наверное, сказать, что человеческое сознание не столько склеивает мир, сколько расклеивает то, что изначально склеено. Мы умеем делать это на всех трех обозначенных выше уровнях; животные — только на первом. Из второго они могут овладеть знаком, но не предложением, не склейкой» [1, 55].

Я понимаю это так, что мышление есть процесс субъект-предикатного склеивания и расклеивания или, говоря другим языком, — механизмом «сборки» и «разборки» содержания чего-либо. Ведь мысль интенциональна и всегда относится к какому-либо предмету (в Вашем случае — субъекту). Она каждый раз воспроизводит субъект-предикатную связку, т.е. одновременно указывает на предмет (субъект) и на его свойство (предикат). Пример: «небо голубое», «земля обетованная» и пр. А дальнейшее осмысление этой связки предполагает её постепенное разворачивание, так как в конце этого пути всегда остается многоточие (как приглашение к новому смыслополаганию), остаётся «потому что» или «если это, то...». Можно привести в качестве иллюстрации уже рассмотренный Вами раньше силлогизм, свидетельствующий о сворачивании, которое является результатом разворачивания, сформулировав его несколько иначе: «Сократ смертен (потому что он — человек, а все люди смертны)». Первая часть высказывания (вне скобок) указывает нам на свернутое (исходную интуицию), а вторая, помещенная в скобки, — на развернутое (дискурсивное, аргументированное).

По-видимому, во мне всё же крепко сидит внутренний «метафизик». Я признаю Ваши доводы, но мне каждый раз не хватает в них доли метафизичности, а точнее — указания на тайны человеческого бытия, за которыми скрывается единый источник всего су-

щего. Ну взять хотя бы Ваше строгое в логическом плане определение человека. «Человек есть живое и разумное существо». Мне представляется, что в нем нет чего-то «трансцендентного», т.е. того, ради чего или во имя чего живет это существо, его жизненного предназначения. Поэтому мне ближе выражение Сартра «человек есть незавершенный проект». Он есть нечто не ставшее, находящееся в процессе непрерывного становления и стремящееся воплотиться в чем-то ином. Поэтому целостным его бытие делает не разум, как таковой, а либо Бог или Абсолют, либо высшее предназначение, либо сама проективность, т.е. обращенность или устремленность в будущее.

На Ваш взгляд, имеется, как минимум, две «технологии склеивания» — субстанциальная и процессуальная. Они по-разному задают связность, или производят склейку. Удивительно, что экзистенциалистское понимание человека не соответствует представлению субстанциально-атрибутивной метафизики с её интуицией замкнутого пространства и языковой формулой («S есть P»). Хотя Вы, наверное, скажите, что формула всё же имеется, и будете по-своему правы. И в ней преобладает субстанциальная логика. Это — «S есть P», где P₁ это — «незавершенный проект» или «становление», или же «устремленность в будущее». Получается, что данный пример указывает то, что я никак не могу выйти за рамки субстанциальной логики. Я в ней сформировался. И моя «исходная интуиция» меня не пускает.

В главе 3 («Процессуальная логика арабо-мусульманской культуры») Вы полагаете, что возможна и другая эпистемная цепочка, с другими связками и стадиями. С этим трудно спорить. Вы — профессионал в данной области. Арабо-мусульманская культура — это совершенно другой поворот на развилке дороги, чем тот, который Вы уже описали как субстанциальный проект.

Для того, чтобы объяснить непространственную логику протекания в арабо-мусульманской традиции, Вы вводите понятия «действующее» (источник действия, «читающее»), само действие (например, «чтение») и воспринимающее (то, что воспринимает действие-протекание — «прочитываемое»). Причем можно увидеть действующее и претерпевающее, но нельзя увидеть само действие или протекание (как и род). Вы это называете интуицией протекания, или действия, которая склеивает подлежащее и сказуемое. Она разная в субстанциальной и процессуальной логиках. В европейской культуре это — интуиция ограниченного со всех сторон пространства, а в арабо-мусульманской — совокупность, не имеющая внешних границ и протекающая между безначальностью и бесконечностью [1, 69]. Это — сплошные связи и узелки, как в исламском орнаменте.

В первой культуре мир предстаёт как совокупность субстанциальных вещей, а во второй — как совокупность процессов и протеканий. Во втором случае важен действительный — тот, кто запускает и поддерживает эти процессы. Человек, в отличие от Бога, отвечает лишь за небольшую часть процессов. Только Бог обладает творческой активностью, способной создавать мир и человека.

И всё же позвольте задать Вам еще один вопрос. **Не является ли экзистенциальная трактовка, выработанная в западной философии, человека процессуальной в том смысле, в которой Вы понимаете протекание в арабо-мусульманской философии? Ведь связку «есть» можно убрать или заменить, например, на связку «опираться». И тогда у нас получится следующее: «Человек опирается на себя и других, находясь в ситуации становления». Здесь нет пространственной замкнутости («включения одного в другое»), как в субстанциальной логике. В экзистенциальном смысле человек не есть то, что он есть. И вообще он не есть, как таковой, а опирается на нечто иное, не будучи при этом вклю-**

ченным в что-либо или исключенным из него. Или я всё-таки не точно интерпретирую процессуальность человеческого существования?

А.В.: Чтобы ответить на Ваш вопрос, я вернусь к тому, что говорил в связи с Бергсоном. Процессуальное мышление — это схематизм действия, а не времени. Философское осмысление арабской картины мира, которое дано у мутазилитов, а потом у суфиев, у нас не представлено в учебных курсах в университетах, что удивительно. В мутазилитской метафизике Кант был бы невозможен со своей идеей пространства и времени как априорных форм, потому что в этой метафизике исходный схематизм — вневременное и внепространственное действие. Действие совершается не во времени; время является производным от действия, но действие не помещается внутрь времени. Когда вы мыслите время как вместилище событий, вы задействуете пространственную интуицию. В арабской культуре это устроено по-другому.

За последние пятьсот лет Запад приобрел глобальное влияние, но так было не всегда. Встреча арабской и христианской культур в арабской Испании продемонстрировала на первых порах безусловное культурное превосходство арабов. Многие христиане тогда, по свидетельству современников, владели арабским языком гораздо лучше, чем латынью, и были начитаны в арабской, а не христианской литературе. Однако восприятие и копирование арабской культуры не стало магистральным путем Запада. Запад никогда и никого не копировал, и в этом заключается его сила. Можно и нужно что-то у кого-то заимствовать, но то, что относится к схематизму мышления, не перенимается вместе с техническими достижениями. Конечно, возможно вживание в другую культуру. Но это означает либо смену схематизма мышления, либо особую способность практиковать и тот, и другой схематизм.

Проект всечеловечности для России

Ю.М.: *Андрей Вадимович! Хочу задать Вам несколько вопросов о цивилизационном будущем России. Анализируя процессы взаимного отчуждения России и Запада, Вы утверждаете, что в основе их конфликта лежат не политико-экономические факторы, а более глубокие, культурно-цивилизационные [1, 12]. Они же объясняют во многом противостояние на Ближнем Востоке, например, в Сирии.*

И это относится не только к современной России. Западные модели цивилизационного развития не получили поддержку у многих стран и народов мира, что породило с их стороны борьбу за аутентичный (например, исламский) образ жизни. Так мусульмане восстают против гигантского, насильственного по своему характеру эксперимента, который был поставлен в исламском мире и привел к резкой дисгармонии земных и небесных дел, что вызвало к жизни радикальные движения. И если эти конфликты рассматривать в культурно-цивилизационном плане, то следует признать, что они находятся в плоскости противоречия между общечеловеческим, на монопольное выражение которого претендует коллективный Запад, и всечеловеческим, которое допускает множественность векторов цивилизационного развития [1, 23]. И здесь я согласен с Вами в том, что под глобализацией можно понимать эпоху борьбы за продвижение одного единственного, т.е. западного цивилизационного проекта. Альтернативой ей выступает, на Ваш взгляд, проект многоцивилизированного мира, который включает в себя идеологическую и научно-теоретическую составляющие.

В главах 5-7 Вашей монографии Вы детально описываете истоки своего понимания — концепцию всечеловеческого Н.Я. Данилевского, идею всечеловечности Ф.М. Достоевс-

кого и всечеловеческий проект, представленный в классическом евразийстве, и прежде всего — идейное наследие основателей евразийства (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и П.П. Сучинского). Их объединяло стремление обустроить постреволюционную Россию, привести ход её развития в соответствие с логикой собственной культуры.

Мне понятны, например, Ваши симпатии к классическим евразийцам, поскольку их творчество культуроцентрично, а на первый план выдвигаются идеи соборности и всечеловечности в противовес идее так называемой общечеловеческой культуры, базирующейся исключительно на европоцентризме и эгоцентризме [1, 169-172]. Не случайно, с Вашей точки зрения, Н.С. Трубецкой рассматривал европеизацию других стран, в т.ч. России, как безусловное зло и одну из главных причин их культурного отставания.

Мне очевидно также, почему некоторые авторы идеи всечеловечности до конца не поняли логики развития русской культуры, так и остались неприкаянными скитальцами. Об этом Вы ясно пишете в своей книге: «Данилевский, и сам Достоевский были такими скитальцами. Данилевский искал общеславянское единство, которого в реальности не было — и он сам понимал, что его нет; значит, он уходил к несуществующему. И Достоевский уходил также к несуществующему — к братской, всепримиренной и всеединенной христианской Европе и даже миру (арийско-христианскому миру), где русский народ выступит со всепримиряющей миссией. Но ведь это фантазия; да и Достоевский сам говорил — да, это фантазия, он принимал это...» [1, 178].

Я также обратил внимание, что каждая глава Вашей книги посвящена, по сути дела, Вашим идейным предшественникам. Речь идет о славянофилах, о русской интеллигенции, как особом феномене странничества, это Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский и вся плеяда классических евразийцев. В этой связи у меня такой вопрос. Скажите, пожалуйста, сама идея всечеловечности появилась у Вас изначально или после того, как Вы прочитали этих авторов и уже затем обосновали свою концепцию?

А.В.: Я хочу уточнить, что я все-таки не последователь классического евразийства и уже тем более не евразиец, поскольку классического уже нет, а то, что сейчас называется евразийством — это совсем другая история. Эта история начинается со Льва Гумилева, который, хотя и называл себя последним евразийцем, но, по сути, открыл новый этап евразийства. Я не могу себя к этому движению причислять хотя бы потому, что для евразийцев православие было неотъемлемой характеристикой. Правда, к этому позже добавилось признание и других форм религиозности. И все-таки одна из центральных тем евразийства — идеократия — была невозможна без пафоса религиозности. Это не то, с чем я готов солидаризироваться. Евразийцы привлекательны для меня тем, что они ставят акцент на логике культуры.

Вопросы сравнения культур у Данилевского, идея морфологии культуры у Шпенглера могут хорошо работать в арабистике, поскольку удачно описывают и систематизируют многочисленные факты. Классическая арабская культура, несмотря на прекрасное знакомство с античностью, на отсутствие ксенофобии, не смогла — хотя и пыталась — применить греческое, прежде всего, аристотелевское и римское наследие для развития собственной правовой теории и всего комплекса филологических наук. Им пришлось самим заложить теоретические основы и развить эти науки — а это самые главные науки в классической арабо-мусульманской культуре. Почему? Мой ответ: потому, что не совпадают схематизмы, задающие рациональность.

Можно приводить и другие примеры. Идея морфологии культуры Шпенглера описывает эту целостность культуры, которая проявляется в разных ее сторонах, друг

с другом не связанных причинно-следственными связями. Скажем, эстетика не связана с логикой причинными связями, но они соотнесены одна с другой. Поэтому вполне понятно, что отсюда началось мое движение к Данилевскому и его идее всечеловеческого.

Ю.М.: Андрей Вадимович! Вы отмечаете, что факт многорелигиозности России не был осознан и проработан русским сознанием, так же, как и различия в праве, этиках и мировоззрении [1, 93-94]. Вы считаете, что именно неспособность осмысления русской мыслью собственной культуры и явилась одной из причин революционной катастрофы 1917 г., что отчасти было воспроизведено в 1991 г. И Вы же полагаете, что мы застряли в третьем, послемонгольском периоде своей истории, хотя были уже четвертый и пятый периоды. Петровская эпоха, по Вашему мнению, нанесла удар по образу жизни и самоидентичности русских. С этим связан во многом раскол в русском обществе, в т.ч. дифференциация на интеллигенцию, элиты и низовую культуру. Интеллигенция еще с петровских времен перестала понимать свой народ и противопоставила себе власти. Именно данное обстоятельство позволяет, по Вашему мнению, её отнести к странничеству, которое понимается в смысле отстраненности от своего места. Она сознательно отказалась от «русскости» в своем стремлении к утопическому идеалу и превратилась в класс без места. Кроме того, в отличие от Европы русская мечта оказалась неосуществленной. Россия снова оказалась перед выбором, который ей до сих пор не удается реализовать, поскольку утратила способность оплодотворять низкое высоким. Сегодня это проявилось в растрате культурного потенциала, который еще сохраняла советская Россия, сращивании преступности и власти, что привело к утрате её собственного цивилизационного проекта [1, 97-98].

Следующий вопрос. **В чем, на Ваш взгляд, состоит главный разлом разорванной цивилизационной идентичности России? Почему российская цивилизация и русский народ, в частности, представляют собой препятствие на пути развития европейской цивилизации и её воспринимают как псевдоморфозу?**

А.В.: Что касается России, то я бы сказал, что самое губительное для неё – говорить об однозначном выборе в пользу того или иного цивилизационного проекта и той или иной идентичности. Давайте скажем, что Россия – это православная страна, но мусульмане скажут, что исламу на территории России 1400 лет и что среди населения России мусульман 20 миллионов. И так далее. Россия в этом смысле особая страна, и это совершенно не Западная Европа, куда мусульмане или кто-то еще приехали только сейчас. Это в Европе мусульман-иммигрантов нужно интегрировать в существующую матрицу общественных отношений таким образом, чтобы они не разрушали эту матрицу. Может быть, эта задача хорошо или плохо решается средствами мультикультурализма, но это совершенно определенная задача. Сам мультикультурализм постоянно эволюционирует, там все время предлагаются новые и новые модели, поскольку выясняется, что, сталкиваясь с практикой, каждая из моделей не очень хорошо работает.

В России другая реальность, которая заключается в том, что мы живем вместе. Если мы начнем говорить об однозначном цивилизационном выборе, то это будет концом. С моей точки зрения, это приведет к тому же, к чему вела судьба Советский Союз. Точнее, не судьба, а тот выбор, который был сделан с самого начала при организации СССР. Кстати, на это очень прозорливо указывал Н.С. Трубецкой и оказался прав. Поэтому нужно максимально избегать столкновения разных цивилизаци-

онных проектов. Если они столкнутся, то они просто разорвут страну на части. Их нельзя заталкивать в одну рамку, укладывать в тот схематизм, который фундаментален для европейского мышления. Их можно только собирать. Они должны быть собраны так, чтобы каждый из них имел свои возможности для развития, но при этом они бы не мешали друг другу. Это и есть проблема, над которой нужно думать.

Я абсолютно уверен, что противоположный путь — это путь к гибели, к очередному распаду. Идентичность означает тождество, некое жесткое определение. Для каждого отдельного человека это возможно, но с большими оговорками. Возьмите мусульманина, который привык мыслить в категориях уммы. Тогда как это соотносится с гражданской или национальной идентичностью? Это как-то уживается в сознании, но это большая теоретическая проблема, требующая серьезного осмысления.

Нам нельзя разделять разные цивилизационные проекты, собранные в истории России, противопоставлять их и решать, какой важнее. Нельзя навязывать православный выбор всем. Хотя я не воцерковленный человек, я прекрасно понимаю, что моя культура во многом задана христианскими ценностями, даже если они не имеют для меня религиозного смысла. Точно так же мусульманская культура устроена определенным образом, она имеет свою внутреннюю логику. Эти две логики нужно понимать, но их нельзя противопоставлять. Неотменяемость этого многообразия для России — это единственный путь к тому, чтобы сохраниться, поэтому любой однозначный выбор ее, в конечном счете, губит, если он навязывается как общероссийский.

Ю.М.: Андрей Вадимович! С Вашей точки зрения, евразийцы, в отличие от славянофилов и западников, идут дальше, они перестают быть скитальцами и связывают будущее России-Евразии с её собственной почвой. Судя по всему, их идеи культуроцентричности, культуроличности, соборности, общего дела, возвращения к собственным истокам Вам чрезвычайно близки.

Вместе с тем Вы называете идею всечеловеческого устройства мира противоядием против необоснованных претензий западной культуры на универсальность и императивность (общеобязательность) [1, 204]. И тут же пишете: «Всечеловеческий проект мирового устройства — это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур. Культура “застывает” как цивилизация, и многополярный мир может замысливаться только как многоцивилизационный» [1, 204]. При этом под всечеловеческим Вы понимаете также «собрание разных типов культур, которые разворачивают свои эпистемные цепочки и воплощают разные типы рациональности. Их нельзя привести к какому-то общему знаменателю, т.е. найти их инвариант» [1, 62]. С этим трудно не согласиться.

Поэтому я сразу начну с главного, с того, что больше всего волнует меня и, думаю, многих участников нашей беседы. Мой вопрос заключается вот в чем. Если у субстанциональной логики, присущей европейской культуре, имеется своё слово или связка «есть» («находиться», «быть»), а у процессуальной логики, характерной для арабо-мусульманской культуры, — связка «опираться», то какое слово (или точнее — связка) является, с Вашей точки зрения, характерным для русской культуры, соответствуя в наибольшей степени её когнитивной процедуре? Можно ли предположить, что его содержание скрывается в выражении «общее дело» или в слове «собор», или в слове «собирать», прояснение и конструирование которых является прерогативой все-субъектности [1, 206]. Вы об этом пишете, в частности, в главе 5, подчеркивая, что логический смысл соборности,

если его очистить от религиозных наслоений, заключается в идее всесубъектности, «когда каждый является неутрачиваемым субъектом» [1, 132]. Именно с последним словом (соборностью) связывал, как известно, идею соборности и Алексей Хомяков, хотя славянофилов Вы обходите своим вниманием. Но нельзя не признать, что у него оказалось много последователей (Вл. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Н. - Булгаков, Н.А. Бердяев и др.). Я задал этот вопрос, предваряя Ваши разъяснения, которые уже даны в главе 4 о евразийстве.

А.В.: Я бы не сказал, что «соборность» является ключевым словом для характеристики российской цивилизации. Я думаю, что это может быть важным словом для понимания того, как возможна *всесубъектность*. Конечно, «собрание» — это еще плохо наполненное содержанием слово, но оно все-таки ясно отграничивается от других слов, стоящих в этом же ряду.

Слова имеют значение, и на это стоит обратить внимание. Например, мы очень привычно говорим о «единстве». Но что стоит за единством множественности? Чтобы достичь единства, вы должны опять же применить определенный схематизм. В случае субстанциональной логики он будет один, в случае процессуальной логики — другой. Поэтому собрание — это достижение единства, но не в том смысле, который предполагает логика Аристотеля. Как это возможно — нужно думать. Это, собственно, наше общее дело — понять, открыть схематизм рациональности за фактами русского языка, русской словесности, русской истории.

Ю.М.: *И сразу же задам без предваряющих комментариев следующий вопрос: если общечеловеческое в Вашем понимании предполагает моно-логичность и безальтернативность одной культуры, навязываемой другим народам и их культурам в виде глобального цивилизационного проекта, а всечеловечность несёт в себе, как Вы утверждаете, «самоценность и нередуцируемость логик каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта» [1, 28–29], то почему именно России Вы отводите решающую или предпочтительную роль в реализации этого проекта? Только потому, что концепция всечеловеческого была развита в русской философии? Или потому, что мы находимся на перекрестке разных векторов культурно-цивилизационного развития?*

А.В.: Я убежден, что Россия себя еще не осознала. Великое отставание России заключается не в том, что она так плохо воплотила европейские формы, а в том, что она себя не поняла до конца в том смысле, что не смогла построить свой проект будущего, исходя из собственной логики развития. Как мне кажется, эта логика воплощена и в нашем языке, и в нашей истории. Если это так, то нужно это оттуда извлечь, вытащить на свет.

Вот небольшой пример. На недавно состоявшейся в РАН презентации книги П.П. Толочко «Украина между Россией и Западом» одна из докладчиц говорила о Гоголе, о малороссийской и великорусской стороне его мироощущения, личности и творчества. Нельзя считать эти стороны «частями» какого-то «целого», невозможно сказать, что «Гоголь» — это нечто «целое», в своем составе имеющее великорусскую и малороссийскую «части». Это будет бессмысленно. Это — не «части», это — скорее стороны целостности, каждая из которых субъектна и при этом каждая предстает как другая. Каждая из них неуничтожима и неутрачиваема. Не будет Гоголя, если сделать из него «украинского» или «русского» писателя. Как мне представляется, Россия в своей истории, в своем бытовании воплощает эту логику всесубъектности. Задача философа заключается в том, чтобы её оттуда вытащить и отрефлексировать.

Сейчас очевидно, что огромные цивилизационные ареалы (Китай, Индия, исламский мир) не готовы принять глобалистский проект Запада. Как избежать столкновения цивилизаций в этих условиях? Очертить границы? Но все будут выходить за эти границы. Тогда нужно придумать такую схематику, которая позволяла бы всем быть и всем реализовываться, но не претендовать на всеобщую гегемонию. Здесь начинает играть роль идея всечеловеческого, которая всё утверждает, но ничего не отрицает.

Ю.М.: *Сформулирую теперь вопрос, связанный с предыдущим: неужели никто в мире больше не додумался до идеи поли-логичного варианта эволюции культур или проекта множественного цивилизационного развития? А как же быть тогда с постколониальными исследованиями, о которых Вы уже упоминали, или с так называемым деколонизационным проектом, предложенным и разработанным философами и другими гуманитариями в странах Северной и Латинской Америки? Выходит, что мы — не единственные в мире исследователи, кто ищет свой вариант или модель полицентричного цивилизационного развития? Ведь не только нас утомила моно-логичность Запада и раздражает его культурно-цивилизационный диктат, сопровождающийся неоколониальной по сути внешней политикой. А это значит, что таких моделей может быть много или, по крайней мере, несколько. Что Вы думаете по этому поводу?*

А.В.: Для меня всечеловеческое является не предикатом, а категорией, за которой в логическом аспекте стоит всесубъектность. Моя идея заключается в том, что схематизм субъект-предикатной связанности возможен в рамках того, что я называю целостность. Примером целостности для европейского схематизма является простейшая родо-видовая конструкция. Из этой целостности вы не можете вынуть дихотомию, не потеряв всё, не можете объяснить, что такое род, вид, отрицание, не задействовав каждое из них и все их вместе. Как только появляется субъектность, эта целостность превращается в субъект-предикатную связность и дискурсивность. Целостность распадается в линейность, превращается в субъект-предикатную речь. Если вы нарисуете три круга, один в другом, и если соответствующие культурные практики научили вас прочитывать эту картинку, то вы сразу увидите силлогизм типа *Barbara*. Как только вы вбрасываете субъектность в целостность, вы получаете развернутую дискурсивность, субъектность с неизбежным противоречием или даже антагонизмом между разными субъектами.

Если поставить вопрос, как сохранить целостность *после* субъектности, то мы должны искать путь к всесубъектности. Как мне представляется, в русском языке есть намек на такую всесубъектность. Мы говорим: «У меня простуда». Где здесь субъект? Простуда. В английском, французском, немецком языках всё будет центрировано на «Я», но не на приписывании субъектности всему остальному вокруг нас, — то, что великий лингвист Анна Вежицкая трактовала как вечную пассивность русского сознания, которое якобы не способно к активному действию. Она была абсолютна не права, потому что смотрела с точки зрения английского языка. А с точки зрения русского языка мы можем сказать, что английский язык неспособен выразить полисубъектность мира. Не стоит стягивать весь мир в одну точку «Я», из которого должно исходить «не-Я», а нужно распределить «Я» по субъектам мира. Русский язык и русская история дают подсказку, как это возможно, в т.ч. и в логическом смысле. Задача заключается в том, как из этого вытащить полноценную логику (формальную и неформальную).

Ю.М.: Наконец, у меня заключительный вопрос к Вам. Реализовать проект всечеловечности в России без определенных политических механизмов невозможно. Я симпатизирую этому проекту, надеюсь, как и многие другие, но необходима очень мощная его раскрутка и мобилизация в политическом и экономическом плане. **Как Вы себе представляете, нужна ли для этого отдельная политическая партия или партийный блок, чтобы вовлечь в создание всечеловеческого проекта новых агентов?**

А.В.: Понимаете, то, о чем Вы говорите, касается политической тактики, политической борьбы. Я не говорю, что мои взгляды должны быть непосредственно воплощены завтра в политическом действии или решении. Я буду счастлив, если идея всечеловеческого будет учтена при обсуждении нашего будущего. Но прежде чем стать политическим решением или быть учтенной при принятии такого решения, сама эта идея должна быть принята нами. Эта идея по самой своей сути не может быть навязанной, она предполагает собирание, а не деление на партии. Она предполагает иное устройство политического, чем то, с которым мы имеем дело последние 30 лет.

Ю.М.: Андрей Вадимович! Спасибо за интересную и содержательную беседу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое / А.В. Смирнов. — М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 216 с.
2. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 712 с.
3. Смирнов А.В. Событие и вещи. — М.: Языки славянской культуры, 2017. — 232 с.
4. Резник Ю.М., Смирнов А.В. Философия в поисках смысла: рефлексия Иного и Инаковости (в трех частях). Часть 1 // Личность. Культура. Общество. — 2017. — Т. XIX. — Вып. 3-4 (№№ 95-96). — С. 247-273; Часть 2 // Личность. Культура. Общество. — 2018. — Т. XX. — Вып. 1-2 (№№ 97-98). — С. 291-311; Часть 3 // Личность. Культура. Общество. — 2018. — Т. XX. — Вып. 3-4 (№№ 99-100). — С. 267-285.

BIBLIOGRAPHY

1. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs obshchechelovecheskoe / A.V. Smirnov. — М.: ООО «Sadra»: Izdatelskiy Dom YASK, 2019. — 216 s.
2. Smirnov A.V. Soznanie. Logika. Yazyk. Kultura. Smysl. — М.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015. — 712 s.
3. Smirnov A.V. Sobytiye i veshchi. — М.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2017. — 232 s.
4. Reznik Yu.M., Smirnov A.V. Filosofiya v poiskakh smysla: refleksiya Inogo i Inakovosti (v trekh chastyakh). Chast 1 // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2017. — T. XIX. — Vyp. 3-4 (№№ 95-96). — S. 247-273; Chast 2 // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2018. — T. XX. — Vyp. 1-2 (№№ 97-98). — S. 291-311; Chast 3 // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2018. — T. XX. — Vyp. 3-4 (№№ 99-100). — S. 267-285.

Поступила в редакцию 07.08.2018 г. (№ 2343)